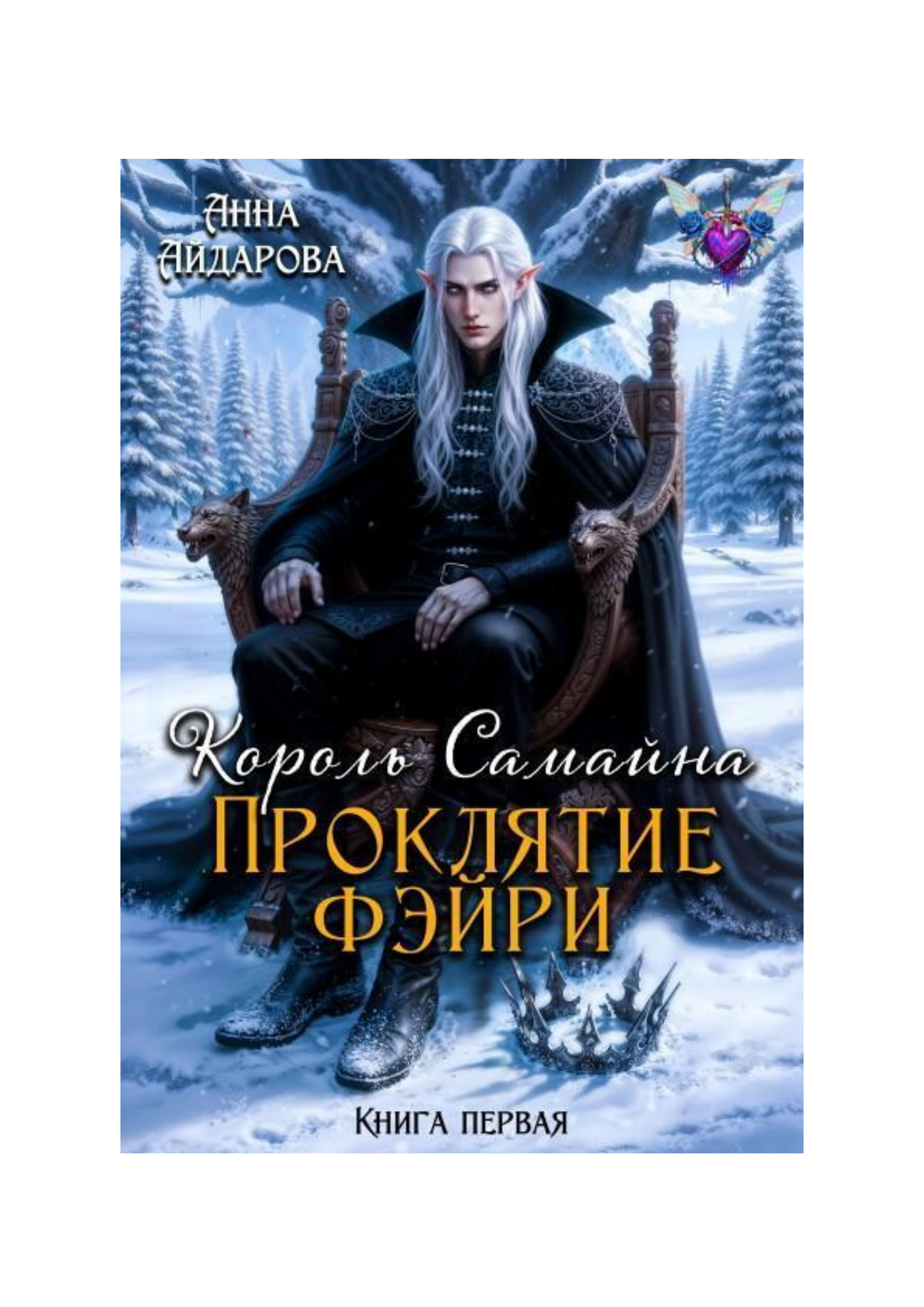

The background of the cover is a detailed illustration of a vampire king with long, flowing white hair and pointed ears. He is seated on an ornate wooden throne with wolf heads as armrests. He wears a dark, high-collared coat with intricate patterns and a long black cape. His expression is stern and regal. The setting is a snowy, misty forest with tall evergreen trees. In the upper right corner, there is a small, colorful illustration of a heart with wings and floral decorations. In the lower right, a crown lies on the snow.

АННА
АЙДАРОВА

Король Самайна
**ПРОКЛЯТИЕ
ФЭЙРИ**

КНИГА ПЕРВАЯ

Анна Айдарова

**Король Самайна.
Проклятие фэйри**

«Литнет»

2026

Айдарова А.

Король Самайна. Проклятие фэйри / А. Айдарова — «Литнет»,
2026

Когда-то в детстве прабабушка пугала меня сказками о мире фэйри... Я думала, это просто страшилки. Ровно до тех пор, пока лучшая подруга не привязала меня к дереву у древнего дольмена — живым подношением для Короля Самайна. И теперь я — прислуга в его холодном доме, его собственность. Первая книга дилогии о том, как страшно встретить свою сказку лицом к лицу, каким кошмаром может обернуться невинная легенда об обитателях холмов. И как легко полюбить того, кого должна бояться. Добро пожаловать в колдовской мир фэйри.

© Айдарова А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Часть 1. Самайн	5
1 часть, визуалы	7
Обращение к читателям	8
Глава 3.	9
Глава 4.	11
Глава 5.	13
Глава 6.	14
Глава 7.	16
Глава 8.	18
Часть 2. Новый дом	20
2 часть. визуалы	23
Глава 10.	24
Глава 11.	27
Глава 12.	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Часть 1. Самайн

Глава 1.

Лондон в конце октября всегда похож на промокшего, ворчливого пса. Вот и этот октябрь не стал исключением: с неба почти без перерыва сыпалась пронизывающая до костей морось, забивавшаяся в каждую складку пальто и норовившая пробраться внутрь, поглубже.

Я пригнула голову и зашагала быстрее. Едва только вырвавшись из теплой, душающей пасти переполненного метро на улицу я моментально промокла. Ветер с дьявольской изобретательностью нашел щель между шарфом и воротником и забрался внутрь. Я дернула ткань, пытаюсь закутаться поплотнее. Не помогло — капли уже нашли дорогу и активно стекали за ворот. Волосы лезли в лицо, растрепавшись. А дешевые ботинки с чавкающим звуком вбирали в себя воду с тротуара, словно хотели запастись надолго. И пальто — уже основательно вытертое и давно требующее замены от старости — предательски промокало, тяжелея с каждым шагом.

Почти добравшись до дома, уже вставив ключ в замочную скважину, я вдруг вспомнила, что в холодильнике — пусто. Совсем. Ни крошки. И чая нет. И кофе утром оставалось на порцию... если осталось вообще. Моя соседка Саманта сегодня пары пропустила... «Самми, будь ты неладна», — мысленно выругалась я. Наверняка выпила оставшийся кофе днем. Последнюю порцию. Мою порцию!

Я замерла на пороге, в полутьме крошечного холла. Идти в магазин? Прodelать почти весь путь обратно, почти вернуться к метро? Снова выйти мокнуть под этот мерзкий дождь... и потратить те два фунта, которые я с таким трудом выцарапала из бюджета на стирку... Нет. Даже думать об этом невыносимо. Лучше остаться дома. Тут хоть тепло, стены, да и деньги останутся при мне. «И, черт возьми, может, я наконец-то похудею, раз ужин пролетел мимо?» — эта мысль прозвучала в моей голове так ясно и отчетливо... И я чуть ли не взбежала по лестнице, штурмуя последние метры как крестоносец крепостную стену.

Мы с Самантой снимали комнату на двоих в одном из старых двухэтажных домиков в Блумсбери. До колледжа добираться было, правда, далековато: полчаса на метро, в толкучке, среди несвежих и далеко не люксовых ароматов. Зато цена за комнатку не съедала все заработанное. ««Не съедала» — хорошее определение», — подумала я, скидывая промокшую обувь. Конечно, аренда не съедала. Она просто аккуратно обглаживала косточки, оставляя мне ровно столько, чтобы не сдохнуть с голоду. Но мечта стать архитектором стоила каждой потраченной монеты. И я ни о чем не жалела.

Родители мои из Нортумбрии, фермеры. Помочь они могли разве что продуктами — изредка, да теплым свитером на Рождество. Но они сделали куда больше, чем деньги — они позволили мне сделать выбор, и даже оплатили первые три семестра учебы в колледже. В дорогом лондонском колледже.

Я прикрыла глаза, на секунду представив нашу кухню, тонушую в вечерних сумерках, запахе маминого рагу, домашнего хлеба и немного — холодного дождливого вечера. Я была пятой в семье, и вовсе не последней.

Рассчитывать особенно было не на что — да я и не претендовала. Спасибо, что не сказали „иди работать на ферму“. Спасибо, что разрешили выбрать дело по душе, дали денег на первое время и отпустили.

Я подрабатывала как могла: официанткой, оформителем в пабах и кафе рангом пониже, раздавала листовки... да что я только не попробовала! Экономила на всем: на автобусе, на латте, на обеде, на свете вечером. И все равно — радовалась. Потому что сложилось-то все

неплохо! У меня есть крыша. У меня есть мечта. У меня есть крыша над головой и теплая комната. Могло ведь и намного хуже все сложиться...

Желудок громко урчал, прерывая поток мыслей. Напомнил о реальности и магазине... Но сейчас, опять под дождь??? Нет! Гвен, крепись!

Кофе...

И я полезла в шкафчик, нажав клавишу на стареньком электрическом чайнике.

1 часть, визуалы

Гвен

Эйрнан

Обращение к читателям

18+

Дорогие друзья!

У меня для вас потрясающие новости! Готовится нечто необычное...

Представьте: вы идёте по привычному парку и вдруг краем глаза цепляете движение тени.

В листве слышится смех и кто-то зовет... Нежно и трепетно. Так маняще.

Это фэйри.

Они ближе, чем вы можете думать. Древние и прекрасные. Опасные и безжалостные.

Все чего они алчут — заключить с вами сделку.

И ставка в ней будет — ваша жизнь.

Скоро группа авторов устроит литературный бум — стартует литмоб

ВСЕ КНИГИ БУДУТ БЕСПЛАТНЫМИ В ПРОЦЕССЕ!

«Миры грёз и туманов»

**Что вас ждёт:
 ## Тёмная и притягательная романтика.
 ## Герои, которым нельзя доверять.
 ## Игры слов и коварных сделок, где цена ошибки порой слишком высока.
 ## Каждая история — самостоятельный мир. Найдется по вкусу для каждого.**

Это ваш шанс заглянуть за границу реальности. Без риска... но гарантий мы не даём.

И помните, что фэйри нельзя доверять... Хотя порой очень хочется.

Глава 3.

Телефон снова завибрировал.

Я работала над взятым на заказ чертежом, за который пообещали вполне неплохую сумму, и надеялась закончить уже его сегодня — денег хотелось до дрожи, а сам чертеж, что уж там, был вполне себе несложным.

Я недовольно бросила взгляд на светящийся смартфон и с сожалением оторвалась от ватмана. С экрана мне улыбалось лицо Лоры.

Мы были подругами с самого детства, с тех самых пор, когда отец Лоры — ловкий и успешный дамский доктор — выкупил соседнюю с нами ферму и отправил туда, на свежий воздух и здоровую местность жену и крошку-дочь. Мистер Глэм навещался к семье регулярно, миссис Глэм не менее регулярно дарила ему дочек, Лори росла дерзкой и активной, сама выбирала себе компанию и сама назначила меня своей лучшей подругой. Я не возражала, если честно. Мне нравилось бывать у Лоры, а Лоре нравилось со мной. И даже социальная разница, становящаяся все заметнее и заметнее, не могла этому помешать.

Лора училась на искусствоведа, жила в модной съёмной квартире в Кэмдене и воспринимала жизнь как увлекательный перфоманс.

— Рыжая, ты жива? — голос Лоры звучал так, будто она уже выпила пару коктейлей энергетика с какой-нибудь запрещенной “легкой” добавкой.

М-да, Лора в таком состоянии похожа на носорога — прет напролом, не видя препятствий.

— Брось свои чертежи! — Лора в телефоне явно оснастилась третьим глазом. Я оглянулась: не по себе почему-то стало. — Собирайся. И приготовь самый теплый свитер и сапоги, которые не промокают. Мы едем встречать Самайн по-настоящему. За город. У меня есть такое место на примете!.. Это будет... трансцендентно!

Я посмотрела на почти готовую работу, на часы, на свой пустой кошелек в сумке. Разум твердил: «Закончи. Сдай. Получи деньги. Купи еды. И НЕ ВЫПЕНДРИВАЙСЯ!!!! Жизнь золотых деток — не твое». Но что-то еще, усталое и изголодавшееся — не по еде, нет, и не по горячему кофе — смотрело на мигающие тыквы за окном и слышало в голосе Лоры то самое обещание чего-то нового, неизведанного, желанного. Вызов, от которого прабабка велела прятаться за ветками рябины.

— Лор, я на мели. И у меня дедлайн, — слабо попыталась я запротестовать.

— Ты будешь богаче всех королев фэйри, когда увидишь это! — заверила она, и в ее тоне не было шутки. — Я не поеду ни с кем другим. Мне нужна только ты. Твоя... трезвость. Или твоё безумие. Не знаю. Поехали, Гвен, — сменила она тактику. — Просто поехали. Я только тебе доверяю. А этим... им лишь бы нажраться и в мой кошелек заглянуть — скоро ли опустеет. А ты не такая.

Вот же ж... Беспроектный вариант. Я даже не сразу вспомнила, что Лора гениальный манипулятор. И поверила.

Закрыла глаза. Вспомнила костер на поляне в детстве. Мы с братьями и Лорой — без нее ни одна вылазка у нас не обходилась — встречаем Хэллоуин, делим конфеты и вздрагиваем, когда появляется прабабка с хворостиной: в Самайн сидят дома!

Страшные истории у очага. И то щемящее чувство чуда, которого мне так не хватает в этой взрослой жизни из чертежей, чаевых, промокших ботинок и счетов.

— Хорошо, — выдохнула я. — Забирай меня отсюда. Но имей ввиду: непромокаемой обуви у меня нет. Только та, что промокает даже от мимолетного взгляда.

Лора расхохоталась.

— Отлично! У тебя размер пять с половиной?

— Да, — рассеянно ответила я. — Лор, может, локацию поменяем? Может, просто в парке... тут вроде...

Лора не слышала меня.

— Все, я на тебя рассчитываю! — заявила она, прервав мой бессвязный словесный поток.
— О деньгах не думай. Скоро стану твоим принцем, Гвен. Ты заслужила. И никакой смены локаций! Не порти мне ночь смерти.

Глава 4.

— ...Хартфордшир, там есть одно особенное место. Старый помещичий дом, вернее, он уже давно превратился в руины, по-моему, даже на второй этаж не подняться... Неважно. И вот где-то там, в холмах, сохранился настоящий дольмен. Говорят, он стоит на пересечении линий силы. И знаешь что, Гвен? Я всё проверила. Послезавтра ночью — не просто Хэллоуин. Это редкое совпадение: полнолуние, Самайн и пик метеорного потока Ориониды. Энергии будет столько, что граница истончится до предела! Наши предки рыдали бы от восторга — столько событий, и все в одну ночь. Мы попробуем вызвать Дикую Охоту. А тебе я выторговала полдня, чтобы полазять по старинным домам этого местечка. Тебе понравится.

— Лора, ты невыносима. Все, я согласна, — буркнула я, мечтая только об одном: чтобы пьяная почти в хлам подруга поскорее поехала дальше, развлекаться или какие там у нее планы. Я закончу чертеж, Бог с ним, что придется ночь посидеть, в дороге потом посплю.

И даже успею в колледж — не люблю пропускать лекции.

А главное — не пришлось спорить с Лорой. Ее планы идеально совпадали с моими свободными днями. Неужели мне так повезло? Но выходит, так.

Лора наконец выдохлась, допила свой кофе и громогласно выкатилась из комнаты, оставив мне пустой картонный стакан из кофейни, пару пирожных и большой синий пакет с ярким, просто-таки нереальным в этой скудной комнатке логотипом GO Outdoor.

Свитер. Кашемировый, нежный, как объятие...

В следующем свертке оказалась плотная серая куртка. Слева на груди, у самой молнии изгибался слишком узнаваемый логотип The North Face...

Я прижала к груди обновку. Ветровка — невесомая и такая... роскошная — пахла нежной отдушкой кондиционера.

Да, вещи были не с бирками, но явно почти не ношенные. Лора за последние несколько месяцев сильно похудела — и выглядела теперь потрясающе — и теперь закупила новыми вещами для загородной прогулки. А эти, пару раз надетые... мне... насовсем!

Последней из пакета я достала коробку с трекинговыми ботинками. Вот они были абсолютно новыми, а предусмотрительная подруга вынула из коробки чек. Да, размер обуви у нас не совпадал...

Я и дальше думала о всякой ерунде вроде размеров, грядущей распродажи (давно присмотренный шарф так подойдет к этой куртке! И теперь я точно смогу его купить!) и что завтра смогу позволить себе кофе, пока дочерчивала заказ. Жизнь выравнивалась, играла новыми красками, открывала новую дверь.

Только маленький холодок — странное чувство нереальности происходящего — не давал покоя. Предчувствие?

Лора и правда как-то слишком радостно описывала наше грядущее: дольмен, обряд, вызов короля Самайна - короля Дикой охоты... И почему-то вспомнились страшные сказки, которые нам, детям, рассказывали вечерами. Тогда меня это пугало, понятно. Но почему так пугало и сейчас?

— Пожалуй, я запасусь рябиной, — натужно рассмеялась я на восторженные рассказы Лоры о грядущем обряде.

И неприятно удивилась тому, как резко и зло она ответила:

— Никогда! И железо не вздумай брать! Не порть мне обряд, я целый год потратила на изучение рукописей и поиск истинных текстов! Все серьезно, Гвен, это не шутка и не сказка!

— Все не сказка? — уточнила я, пытаясь сгладить неловкость. — Тогда ты помнишь, что Дикая Охота забирает все живые души, встреченные на пути.

— А еще они откупаются золотом, если встать у них на пути в правильном месте! Я же сказала, ты станешь богаче, чем король фэйри. А я получу дар. Их дар. Представляешь? Сила древней расы! Вечная магия! Это же гораздо больше, чем вся наша скучная, предсказуемая жизнь!

В её словах сквозила одержимость, граничащая уже с безумием. Интересно, Лора сегодня только алкоголь пила или смешивала с чем? Я попыталась отшутиться:

— Их «дар» в сказках редко бывал приятным. Чаще — проклятием. Ты хочешь вечно танцевать, пока не умрёшь, или прясть паутину из льна?

— Это сказки для запугивания придурков! — отрезала Лора. — Я изучала первоисточники. Фэйри могущественны, они прекрасны и ужасны одновременно. И им нужны смелые души. А мы с тобой? Мы идеальная пара. Ты — земля: практичность и интуиция... Молчи, — почти крикнула подруга, — я знаю, у тебя она есть, просто ты её не слышишь. Я — огонь: намерение, воля. Мы дополняем друг друга идеально. Еще я нашла воду и воздух, но эти...

— Да ладно, — отмахнулась я. — Огонь так огонь. Но...

— Гвендолен, все, что захочешь потом. Кстати... забыла совсем. Папе в клинику нужна аккуратная и исполнительная девушка, разобрать архив. Там работы месяца на три. И заплатят хорошо. Я напомнила о тебе, так что после хэллоуина позвони ему, ладно? Подработаешь.

— Спасибо, Лор! — я обняла подругу.

— Ой, ладно! Завтра заедем за тобой после четырех. Будь готова!

И Лора унеслась в свою яркую жизнь. А я осталась доделывать чертеж, радоваться новым вещам и перспективе работы... мечтать...

Отчего же мне так не по себе?

Перед сном, собирая рюкзак (веревка, нож, фонарик, термос, шоколад — практичный набор, самое то, что надо для блуждания в холмах), я обнаружила в кармашке маленький, почерневший от времени железный крестик — прабабушкин подарок, да... Я вспомнила, как мама сунула мне его перед отъездом в Лондон... А я, никогда не отличавшаяся набожностью, не стала выкладывать, сентиментально желая сохранить хоть какую-то память о доме.

Я на секунду задумалась, а потом, усмехнувшись, достала толстую шерстяную нитку и надела крестик на шею, спрятав под одеждой. «На всякий случай».

Глава 5.

В мини купере Лоры пахло сушеными травами.

Не пахло.

Воняло.

К запаху и вездесущей пыли от раскрошенных листьев примешивался аромат ладана и воска. Или мне только так казалось?

Мы тряслись по проселочным дорогам старой доброй Англии уже второй час, я подпрыгивала периодически на заднем сиденье, мысленно проклиная все: дороги, подругу, ее закидоны, еще раз дороги, колдобины и хэллоуин с его дурацкими обрядами и приметами.

Поспать мне так и не удалось. Сначала, пока автобан был вполне приличным и ровным, Лора болтала, не затыкаясь ни на минуту. Потом говорить стало невозможно из-за тряски, но и блаженная тишина не спасала.

А потом мы наконец остановились. Что там Лора говорила? Время посмотреть деревеньку? Интересная архитектура? Ну да, ну да.

И пока подруга со своей компанией вытаскивали сумки, договаривались об ужине, что-то обсуждали, я поднялась в комнату. Посмотрю на традиционный сельский пейзаж из комнаты, хоть посплю в тишине.

Мне казалось, стоит только добрести до кровати — и все, я усну. Как бы не так.

Я лежала на жесткой кровати, пялилась в потолок и не засыпала. Промаялась с час и спустилась вниз.

Никого не было. Из кухни слышались звуки — достаточно странные для меня, но наверное вполне нормальные для кухни — там чем-то стучали, чем-то ударяли по разным поверхностям, пару раз кто-то начинал хохотать, захлебываясь, кто-то хрипел... дальше я перестала прислушиваться. И очень надеялась, что Лора со своими странными друзьями уже ушла в холмы на обряд — за окном уже достаточно стемнело, а часов тут никаких не наблюдалось — и забыла позвать меня... но так повезти мне уже не могло.

Ребята появились внезапно и шумно, Лорин кавалер, похоже, был не совсем трезв, второй парень держался тише и как-то отстраненнее. Оба они мне не нравились, напрягали и настораживали.

Лора выглядела... впечатляюще. Обалденно не подходящее для блуждания в холмах — я еще раз припомнила, что точного нахождения дольменов мы не знали — платье: черное, в меру пышное, готическое, с серебряными нитями и блестками. Не ширпотребный люрекс и искусственные нити, вообще нет. Блики переливались строгим благородным блеском платины.

Дополняли картину меховой шарф — чернобурая лиса, — черный плащ с вышитыми (вышитыми!!!!) серебряными рунами — странными, незнакомыми мне. Руны не были даже близко похожи на футарк, но это явно были... руны? На секунду вышитый орнамент вспыхнул диковинным узором, но наваждение тут же пропало.

— Лора, нет слов, — пробормотала я, все еще пялясь на подругу. — Ты так пойдешь?

— Ой, глупенькая, ну конечно! — рассмеялась Лора. Немного наиграно и неестественно рассмеялась. Должно быть, нервничала перед обрядом. — Ну что, ты готова путешествовать в иное?

Она не дожидалась моего ответа, мой ответ подразумевался. И это немного покорило. Но... новая куртка... свитер.. ботинки... все это — благодаря Лоре... и правда, я же взяла, значит — согласилась.

Мы поужинали перед пылающим очагом, потом Лора достала из складок плаща флягу. Каждый из нас сделал несколько глотков — сначала мы с подругой, потом парни. Обряд начался.

Глава 6.

Деревушка мирно дремала под ночным покровом. Крупные злые звезды скалились с небес и пытались рухнуть — так мне почему-то казалось. И я предпочитала не смотреть ни вверх, ни вперед, только вниз, в землю. Так было легче. Так не тошнило.

Фонари закончились, дорога стала темной и неудобной — деревня осталась призраком позади, мы вступили в холмы.

Лора и один из парней шагали впереди. Почему-то уверенный шаг Лоры, и то, как легко она ориентировалась в кромешной октябрьской темноте совсем не настораживали меня. Хотя, помнится, Лора утверждала, что не знает, куда идти. И где дольмен. И вообще...

Мысли вяло крутились в голове, и странности не вызывали никакого отклика.

Рядом со мной почти так же безучастно шагал второй Лорин приятель — Марк. В отличие от Саймона, с шутовской галантностью поддерживающего Лору под локоток, от Марка не несло затхлой прокисшей капустой, да и одет он был... прилично. Никаких пятен, никаких заляпанных ботинок. Меня передернуло даже от воспоминаний о сальных волосах и таком же сальном, грязном взгляде, которым Саймон меня периодически одаривал, пока мы ехали.

Я хотела было спросить моего спутника, как его сюда занесло — не напоминал он совершенно увлеченного поклонники древних обрядов и Дикой Охоты. Лора и ее Саймон — да, вписывались в эту ночную авантюру идеально, а мы...

Изредка Саймон что-то бормотал себе под нос. Лора кивала, закидывала голову, и её профиль в отсвете мощного фонаря, которым парень освещал дорогу, казался заострённым и нечеловечески прекрасным.

Наконец, мы вышли на небольшую поляну так внезапно, что я вздрогнула. Ни холмов, ни странных деревьев, все вокруг словно отступило, обнажая купол неба, затянутый тяжёлыми, низкими тучами. И в центре, подпирая самое сердце этой серой массы, стоял дольмен. Три грубых, замшелых камня-исполина и массивная плита сверху, чёрная от времени и влаги.

Дольмен не выглядел ни величественным, ни таинственным. Обычное нагромождение камней. Как будто так и должно было быть — эта каменная скоба, сжимающая пустое пространство. И от него исходила тишина. Не отсутствие звука, а нечто активное, поглощающее любые звуки — ветра, шагов, голоса... И внутри еще росло дерево. Странное, изогнутое, неестественно черное, должно быть, от ночной поры — не бывает таких черных деревьев в природе...

Всё дальнейшее я воспринимала как сквозь толстое, ватное одеяло. Усталость, холод и этот гнетущий камень слились в одно тягучее ощущение нереальности.

Мы шли за Лорой к самому центру поляны. Лора и Саймон принялись что-то сыпать на землю вокруг дольмена, Саймон скалился — почему-то это я отчетливо видела — и припевал какую-то странную песенку, подпрыгивая и ухмыляясь.

Я села на ближайший камень — сил почти не осталось. Холод пробирался под куртку, и куртка уже не спасала.

Лора что-то говорила мне — или не мне? — и ее голос звучал приглушённо, как будто доносился из водной толщи.

И только когда Лора неожиданно набросила веревку мне на руки, я подняла глаза:

— Лор?... Зачем?

— Не парься, так нужно, — ответила подруга откуда-то издалека. Да мне в целом было все равно. — Вставай. Давай к дольмену. Пора уже обряд начинать, луна скоро выйдет.

Я покорно пошла за подругой. Саймон подвел Марка, и мы оба оказались внутри каменного исполина, привязанные к дереву.

Я сожалела только об одном, что нельзя сесть — ноги подкашивались.

Саймон сбросил свою замызганную куртку и оказался в тонкой шелковой черной рубашке, расшитой не менее диковинно, чем платье Лоры.

Лора встала у края каменного круга, лицом к дольмену, подняла руки, и в её голосе, обычно звонком и насмешливым, зазвучали низкие, гортанные ноты. Она пела. И слова ее песни были не похожи ни на английские, ни даже на гэльские. Заклинание, которому вторил Саймон само ощущалось как дольмен — древним и мрачным.

Воздух в кругу заколебался, стал густым, как сироп.

А потом все закончилось. Голос Лоры стих, затем и Саймон перестал выкрикивать свои реплики. Поляна замерла. Над дольменом сияла яркая полная луна, освещающая две фигуры в черных одеждах...

Лора стояла, воздев руки к луне пока тучи не скрыли земной спутник.

В темноте я едва угадывала подругу, собирающую с земли наши рюкзаки. Но не спешившую отвязать нас с Марком.

— Лора, — через силу позвала я. — Отвяжи меня и все, можно идти домой?

Лора продолжала складывать рюкзак, не реагируя.

— Лора!

— Я скажу ей? — услышала я наконец ее голос.

— Скажи, если хочешь, — равнодушно отозвался Саймон. — Ты все собрала?

— Собрала.

Лора как-то внезапно оказалась рядом.

— Понимаешь, Гвен... Дикая Охота принимает только жертвы. Кошка или собака тут не подойдут — фэйри нужны души. Живые души. Понимаешь?

— Нет. Лор, развяжи? Я очень устала.

Лора вздохнула и погладила меня по волосам:

— Милая. Ты — жертва Саймона Королю Самайна. А Марк — моя. Ничего личного, просто ты подошла идеально. А мне очень, ну очень нужно исполнение одного желания... понимаешь? — с жалостью произнесла она.

Я не понимала.

Понимать я начала только, когда свет мощного фонаря затерялся в холмах.

Дорогие читатели!
 В нашем литмобе много историй о фэйри. Приглашаю вас познакомиться с книгой Лисы Райс <https://litnet.com/shrt/5m5o>

Глава 7.

Моргаю — ничего не меняется.

Тьма.

Луна.

Перекрытие дольмена над хлипким с виду деревцем, выросшем невесть как внутри каменного круга.

Закрываю глаза.

Это сон. Это точно сон.

Это просто не может быть реальностью.

Лора...

Тишина. Вообще никаких звуков.

И пустота.

Холод немного отрезвил меня. Голова все еще как ватой обложенная, но я хотя бы могу думать и понимать.

Радости мне это не приносит. Чем холоднее становится, тем отчетливее я понимаю, что все это не сон. И я вполне добротнo связана — маги доморощенные постарались. Твари добросовестные.

Холод ощущался все острее. Я попыталась подвигаться — да, получается. Толку-то? Зубы стучат всё сильнее, сдержатъ уже не могу. Пальцы не чувствуют боли — только тяжесть. А глаза слезятся от холода.

Надо взять себя в руки и что-то сделать... только что?

Кричать здесь, походу, можно до морковкиного заговенья — все равно никто не услышит. Идеальное место. Но я все же попробовала.

Отозвался Марк.

— Не кричи, — спокойно сказал он с другой стороны дерева.

— Марк! — выдохнула я. — Ты не привязан? Развяжи меня! Что за дурацкие игры?..

Сделала еще одну попытку пошевелить руками, дернулась, пытаюсь освободиться. Никакого эффекта: веревка лишь впилась глубже в запястья. Не причиняя острой боли, но и не давая ни сантиметра свободы. Делаю рывок. Еще один.

— Марк! — голос сорвала почти.

Блин, аккуратнее надо — если этот идиот не сможет нас развязать, придется звать на помощь. И звать придется мне, парень, похоже, до конца еще в себя не пришел.

— Марк, ты слышишь? Ты в порядке? — говорю я хриплым, чужим шепотом.

Тишина. Потом — слабое движение, вздох. Я слышу, как он пошевелился у своего дерева, в нескольких шагах от меня.

— Слышу.

— Попробуй руки развязать? Может, у тебя получится? Надо спастись, или мы тут замерзнем. Марк!

— Что? — вяло отозвался парень.

— Марк, попробуй, — мягко, как будто уговаривала младшего братишку. — Попробуй, может, с твоей стороны веревку можно распутать? А? Они же не могли просто... просто оставить нас здесь!

— Почему? — голос Марка ровный, равнодушный, безучастный. — Это и есть обряд. Ты же сама согласилась на обряд.

— Какой, к черту, обряд?! — я снова и снова пыталась вырваться, освободить руки, чувствуя, как на глазах наворачиваются слезы. — Марк, пожалуйста! Ты не должен был ей помогать! Что она тебе пообещала? Или дала? Зачем ты сюда пошел?

Пауза. Бесконечная тишина. Словно камни поглощали все звуки. Ветер свистел в ветвях того черного, изогнутого дерева, что росло внутри дольмена, но звук, рождающийся в ветвях больше походил на тонкий, издевательский смех.

— Смерть, — выдохнул Марк. — Смерть! — прокричал он. Звуки ударились о каменное перекрытие и упали.

Я замерла.

— Что?

— Я попросил у нее смерть. Красивую. Древнюю. Такую, о которой не зазорно сложить легенду. Лора сказала, что знает способ. Что в Самайн граница истончается, и можно не просто уйти, а стать... частью чего-то большего. Едой для богов. Даром для Короля.

— Марк, — нежно проворковала я, — а что Лора еще говорила про смерть?

— Тебе нравится? — фанатично зашептал Марк. Я едва слышала его голос.

— Ну конечно. А Лора случайно не говорила про ритуальный вызов? Или про еще какой элемент обряда? Например, что ты должен начертить круг?

— Я же не собираюсь выстраивать защиту от них, — натурально оскорбился этот псих. И не пошевелился!

— Но мы замерзнем раньше, чем они, — блядь, да кто эти они???? — придут за тобой, — брякнула я. Старалась нежно, по-другому с психами разговаривать не стоит.

— И за тобой тоже, раз ты хочешь смерти, — ответил Марк.

Вот этого я как раз желала в последнюю очередь. В предпоследнюю — узнать, кто такие “они” и нафига им сюда идти. Меня больше интересовало, смогу ли я развязаться прежде, чем окончательно замерзну. А случится это нескоро и произойдет ну очень медленно — Лора позаботилась.

— Ты не представляешь, каково это — просыпаться каждое утро и думать: зачем? Зачем тащить это тело еще один день, еще один час, еще одну бессмысленную минуту? Я перепробовал все, Гвен. Таблетки. Веревку. Рельсы.

Марк говорил буднично, словно перечислял свои покупки в супермаркете. — Всегда что-то шло не так. Всегда находили. Откачивали. Лечили. Смотрели своими жалостливыми глазами и шептали: «Все будет хорошо». А я не хочу, чтобы было хорошо. Я хочу, чтобы закончилось. По-настоящему. Навсегда. И достойно.

— Отличная идея, Марк. А если я хочу умереть от старости и в своем доме, как быть с этим?

— Не получится, — хихикнул он. — Гвен, ты должна понять: им нужны двое, ты и я, мужчина и женщина. Только тогда он принимает жертву.

Ну вот, теперь “он”. А были “они”...

— Лора обещала, — продолжал он, и в его голосе вдруг проступила обида, детская, почти капризная, — что в этот раз получится. Что фэйри не возвращают то, что забрали. Что они голодны и благодарны. Что я буду не самоубийцей в морге, а жертвой. Избранным для Короля Самайна. Разве это не прекрасно?

Я вздрогнула. Прабабка пугала нас в детстве страшными рассказами о Дикой охоте, разорванных в клочья глупцах, что осмеливались выйти в Самайн за порог. И о Короле Дикой охоты — могучем фэйри, не то во плоти, не то — духе, который молча наблюдал, как его свора пожирает смертных. Сказки. Детские сказки, от которых я вздрагивала ночами, слыша сквозь сон волчий вой ноябрьскими ночами...

— Это безумие, — выдохнула я.

— Это реальность! Наша с тобой реальность! А мне нужна смерть, и она уже близко. Слышишь?

 А у нас новая история моба! Добро пожаловать в магический мир фэйри от Фионы Сталь <https://litnet.com/shrt/YBN4>

Глава 8.

Вдали действительно были какие-то звуки. Очень похожие на...

Я зажмурилась, боясь поверить своей удаче.

Кто-то не спеша возвращался через холмы в деревню верхом. Главное, чтобы ветер донес мой голос, и путник не принял меня за призрак.

Я подождала немного, убедилась, что звук копыт по мерзлой земле стал куда реальнее и даже начал доноситься лай.

И тогда я закричала:

— ПОМОГИТЕ! КТО-НИБУДЬ! ПОЖАЛУЙСТА! МЫ ЗДЕСЬ!!! ПОМОГИТЕ!

— Зови, — довольно разрешил Марк. Как будто мне его одобрение или позволение было нужно. — Зови. Дай им знать, что обряд завершен, и мы здесь.

Я только отмахнулась от этого психа. Прислушалась. Звук копыт стал еще слышнее, хоть и не ускорился. И я закричала насколько могла:

— ПОМОГИТЕ!!! Пожалуйста!

И не поняла, почему Марк вдруг вскрикнул.

Зато внезапно поняла, что нас окружила свора псов. В темноте, под плывущей полной луной их можно было различить разве что условно, а уж понять, сколько их — вообще никак.

И еще от собак исходил такой леденящий ужас, что я поперхнулась собственным криком. А псы все приближались, принохиваясь. Если эти милые собачки пожелают поужинать, Дикая Охота нам спасением покажется...

Но и всадник приближался, и я очень надеялась, что он окажется более вменяемым, чем его псы... и чем Марк, возжаждавший принесения жертвы.

— Псы, — сказал Марк, и в его голосе было сплошное удовлетворение. — Дикая Охота выходит на тропу. А потом приходит он. Король.

Марк вздохнул, глубоко и спокойно, как человек, который наконец-то лег в теплую постель после долгой дороги. — Я читал. Я все прочитал. Они чувствуют страх, чувствуют кровь, чувствуют тех, кто отдан. Тех, кто сам выбрал уйти с ними.

— Заткнись! Заткнись, чокнутый ублюдок! — закричала я, пытаюсь разорвать веревки. — Я не отдавала себя! Я не соглашалась! Лора не имела права!

— Лора, — заржал Марк. — Лора просто хотела, чтобы ее заметили. Чтобы фэйри обратили на нее внимание. Она думала, два дара лучше, чем один. Щедрость привлекает сильных.

Звук копыт стал громче.

— Марк, — сказала я, и мой голос вдруг стал очень тихим. — Пожалуйста. Я не хочу умирать.

— А я хочу, — сказал он. — Спасибо, что составила компанию. Мне было... не так одиноко. Я готов. Я ГОТОВ!!! ПРИМИ МОЮ ЖЕРТВУ, — заверещал он.

Идиот! Я не успела даже подумать, не то что закричать.

Они просто набросились из тьмы — серые тени, сотканные из тумана и голода. Их глаза горели холодным, белым огнем, пасти разверзались беззвучно, и в этих пастьях я видела ряды игольчатых зубов, слишком длинных, слишком частых.

Они не лаяли. Они пели — высоко, тонко, на одной вибрирующей ноте, от которой кровь застывала — реально застывала...

Псы Охоты.

— Ну, здравствуйте, — сказал Марк.

И это было все. После я слышала только хруст и эти жуткие, певучие звуки — не то рык, не то урчание сытых тварей. И еще мне почему-то казалось, что Марк улыбается.

А потом вернулась тишина.

Псы отступили.

Я боялась поднять голову, чтобы не увидеть то, что свора оставила от Марка. И не спровоцировать их еще раз повторить все с новой жертвой.

Я молилась. Я молилась Богу, в которого не верила. Потому что только Он мог услышать, только Он мог вытащить меня из этого кошмара, только Он мог сделать так, чтобы это перестало быть реальностью.

Псы обступили меня и дышали, высунув языки.

— Фу.

Голос был низким, ровным, без единой эмоции.

Псы замерли. Их уши прижались к черепам, хвосты поджались, и вся стая, как один, отступила, освобождая пространство.

Конь возник из темноты бесшумно — огромный, вороной, с гривой, струящейся, как жидкий дым, чуть не до земли.

Всадник замер в седле неподвижной тенью, словно вырезанный из ночного неба. Ни лица, ни глаз под капюшоном. Только холод. Такой плотный, такой живой...

Он смотрел на меня. Я чувствовала этот взгляд сквозь тьму, сквозь саму ткань реальности.

Я хотела объяснить, что звала не его, звала кого угодно, просто от ужаса, просто не понимая, что творю. Но губы не слушались. Из горла вырвался только сдавленный, сиплый звук.

Он наклонился в седле. Медленно, плавно, как хищник, примеряющийся к жертве. Ледяная рука в тонкой кожаной перчатке была протянута ко мне. И веревки — эти мягкие, дьявольские веревки — сами соскользнули с запястий, будто их никогда и не было.

Я не упала только потому, что он схватил меня за капюшон куртки, сжав ткань у самого горла. Рывок — и я взлетела, перекинутая через седло лицом вниз, на пахнущую потом и озоном конскую холку.

Воздух вышибло из легких. Мир перевернулся: земля, мелькающая под копытами, брюхо коня, нога в стремях, край черного плаща, бьющего по лицу.

Конь рванул. Меня вдавило в седло, размазало по влажной конской коже. Я пыталась дышать, цеплялась за складки плаща, но пальцы соскальзывали с холодной, словно обледеневшей ткани. Ветер бил в лицо с такой силой, что слезы буквально выворачивало из глаз и тут же смывало куда-то назад.

А потом мир перестал быть миром.

Холмы вокруг вытягивались, серебрились не от луны, они словно светились изнутри холодным фосфоресцирующим светом. Воздух густел, становился вязким, как сироп, и дышать им было нельзя, и не дышать — тоже нельзя. Запахи, невозможные, нездешние: ледяные цветы, распускающиеся на морозе, древняя пыль, звездный пепел, дикая, свежая кровь — еще не моя, но уже предназначенная мне.

Реальность вывернулась наизнанку, и я провалилась в темноту. Последнее, что я помнила перед тем, как потерять сознание, — запах. Холодный, чистый, нечеловеческий. Запах снега на вершинах, которые не помнили смертного. И абсолютное, кристальное понимание: я уже не в своем мире.

Дорогие читатели! Попасть в мир фэйри — то еще испытание. И у каждой из героинь нашего моба оно свое. Приглашаю вас во вторую историю моба от Марго Арнелл <https://litnet.com/shrt/W4hO>

Часть 2. Новый дом

Глава 9.

Я ненавижу этот запах.

Сотни свечей, восковых и жировых, чающих сладкими, приторными травяными ароматами, смешивались с другими ароматами — не менее приторными, что распространяли вокруг себя придворные дамы. А еще — с запахом жареного мяса и терпких вин, искрящихся в бокалах.

От всего этого першило в горле и хотелось на воздух — в лес, где пахнет прелой листвой, морозом и зверем.

Но я стоял у колонны, прислонившись спиной к холодному камню, и наблюдал. Боль в висках то нарастала, то стихала, переставая назойливо напоминать о себе, а потом возникала вновь, внезапно.

Зал королевы сиял. Отсветы и блики плясали на золоте и серебре, на драгоценных камнях, унизывающих одежды придворных, на обнаженных плечах фрейлин, чья красота была столь же совершенна, сколь и смертоносна. Они смеялись, танцевали, сплетничали — и ни один из них не подходил ко мне ближе, чем на три шага.

Опальный лорд. Падший принц разоренного дома. Верный пес королевы, который может пригодиться, но которого лучше не касаться, чтобы не запачкаться.

Я усмехнулся про себя и поправил ворот плаща. Добротное черное сукно, отороченное медвежьим мехом, греет лучше любого придворного шелка, но так не к месту во дворце. Под плащом — плотная куртка из грубой шерсти, удобная для верховой езды, для леса, для охоты. Здесь, среди этих разодетых павлинов в шелках и парче, я выглядел чужаком. Медведем, случайно забредшим в вольер с канарейками.

Пусть.

Я устал после охоты. Вновь устал. По счастью, не настолько, пока еще не той смертельной усталостью, что валит с ног и требует долгого, тяжелого сна — до подобного исхода еще паратройка выездов. Если повезет. Просто мышцы ноют после долгой скачки, немного знобит и саднят расцарапанные ветками ладони. Ерунда, заживет к утру.

Только здесь, в этом чаду и блеске, усталость чувствуется почему-то острее. И хочется тишины. Темноты. Одиночества.

Вместо этого придется соответствовать и выполнять. Этикет. Обязанность. Королевский охотник, он же — шут, развлекающий пресыщенную скукающую королеву и ее прихлебателей.

Мервериль на троне — высоком, выточенном из черного обсидиана, с подлокотниками в виде изогнувшихся в агонии существ, наполовину людей, наполовину зверей. Она прекрасна. Кто бы поспорил. Ледяная, безупречная красота, от которой веет бессмертным идеалом. Ее платье, сотканное из тончайших нитей, напоминает лунный свет и паутину под лучом луны. Оно струится по ступеням трона, и каждый раз, когда Меривель поворачивает голову или делает движение рукой — ткань движется. И мне кажется, что сама ночь переливается в складках ткани.

— Тирн.

Королева говорит негромко, но ее голос — нежный и мелодичный, ведь фэйри безупречны... идеальны... О, она никогда не повышала голоса, но слышали и слушали ее все.

И сейчас гул беседы стих, все замерли — в предвкушении.

Выхожу из-за колонны. К трону сквозь зал, сквозь расступающихся придворных — они самонадеянно делают вид, что отходят, потому что этикет требует сменить собеседника или взять еще бокал вина. На самом деле они шарахаются от меня. С брезгливым любопытством. Что ж. Сейчас им доставят удовольствие.

Еще несколько шагов.

Я замираю у трона и опускаюсь на одно колено. Так положено. Таковы требования этикета. Я сам сделал это реальностью, когда выбрал жить вместо умереть.

— Ваше Величество, — громко говорить не стоит. Меривель не любит громких звуков.

Она смотрит на меня сверху вниз, и в ее глазах — то же, что всегда: смесь презрения и раздражения, и еще превосходство. И злость. Словно она так и не смогла простить мне отказ.

— Ох, мой верный охотник, — мурлычет она, и от этого «верный» меня передергивает. — Ты сегодня скучен. Охота не удалась?

— Охота удалась, Ваше Величество. Я привез дань смертных. Ваш обряд на Бельтайн состоится.

— О да. Дань...

Она щелкнула пальцами — резко, сухо, как ломают тонкую ветку. К трону тут же метнулись двое стражников.

— Приведите. Взглянем на твою добычу, Тирн.

Я склоняю голову еще ниже. Ненавижу.

Мне остается только замереть и ждать. Ведь никто не разрешал мне сменить позу. Смотрю на каменные узоры пола, считаю линии. В голове пусто и ровно — состояние, которое я научился вызывать в этих стенах. Отключить эмоции. Отключить мысли. Просто ждать.

Шаги. Легкие, неуверенные, спотыкающиеся. Перешептывания за спиной. И запах страха. Не знаю, чувствует ли его кто-то еще.

Смертная. Ее вели под руки двое стражников — растрепанную, в каких-то нелепых человеческих тряпках, насквозь промокших и перепачканных осенней грязью. Она спотыкалась, мотала головой, и пыталась идти ровно. Но она боялась. Глаза — огромные, безумные, полные такого ужаса, что у меня на миг перехватило дыхание.

Правильно. Разумно. Не бояться здесь — не просто глупость, идиотизм высшей степени.

Я видел этот ужас раньше. В глазах тех, кого приводили ко мне на допрос. В глазах тех, кого я сам убивал. И тех, кого терзала моя свора. Но там — этому было место. А здесь... среди света и красоты...

Меривель улыбнулась и легко встала, спустилась со своего места к нам, подданным. И медленно, с наслаждением, как кошка, дорвавшаяся до мыши, протянула руку к девочке, коснувшись ее щеки.

— Ах, какая прелесть, — пропела она, разглядывая свою добычу. — Какая милая, испуганная маленькая смертная. И ты привез ее мне, Тирн? В дар?

— Я привез дань, Ваше Величество. Как вы приказали.

— Дань... и что же нам с ней делать? До Бельтайна далеко... и выживет ли она здесь?

Меривель взмахнула рукой, и стражники подтолкнули Гвен к королеве. Девушка споткнулась, упала на колени и так и застыла, глядя на полированный камень перед собой.

— Забавная игрушка. Но знаешь, мой дорогой охотник...

Королева подается вперед, и ее глаза буквально впиваются в смертную.

— ...я что-то не в духе сегодня. Не до игрушек. И потом, — она нежно поводит плечом, обнажая идеальную линию ключицы, — у меня их и без того полно. А вот у тебя...

И тут тишина в зале стала абсолютной. Даже музыка, кажется, стихла — или мне просто показалось.

— У тебя, Тирн, нет никого, — продолжила Мервериль, и ее голос сочился нежнейшим медом. — Ни жены, ни любовницы, ни даже простой девки, которая согрела бы твою постель. Все шарахаются от тебя, как от чумного. Правильно шарахаются, кстати. Ты пришел в мой дворец, на мой праздник в черном... как в трауре... Я могу подумать, что это намек...

Придворные захихикали. Нервозно и подобострастно. А им ли не знать, что сейчас настроение нашей королевы... ну, по принципу “куда кривая выведет”. Но я не чувствовал злобы. Желания унижить — да, было в ее словах хоть отбавляй. Надеюсь, я прав, и мне не придется убивать и эту... здесь, на потеху толпе.

— Так что... — Меривель откровенно тянула, смакуя каждое слово. — Возьми-ка девушку, Тирн. В подарок. От меня. Пусть она будет тебе и прислугой, если хочешь. И постелью, если сможешь. Хоть с кем-то почувствуешь себя... хозяином. И храни ее до Бельтайна, мой верный охотник. Учи, если хочешь — используй. Условие одно — сохрани мою дань от смертных. Отвечаешь головой.

Ну что ж. Недостойно королевы пояснять очевидное. Но она пояснила.

Я посмотрел на смертную. Она не поднимала головы, плечи мелко дрожали, и я видел, как побелели костяшки пальцев, вцепившихся в подол мокрой куртки.

— Благодарю, Ваше Величество, — отвечаю я. Голос звучит ровно, надеюсь, — за ваш щедрый дар. Я выполню вашу волю.

Я поднимаюсь, не дожидаясь разрешения — мелкое, крошечное неповиновение, которое Меривель проглотит, потому что сегодня ей весело.

Подхожу к смертной и беру ее за локоть. Девушка вздрагивает, всхлипывает, но не попытается вырваться — правильно, это бессмысленно, смешно и жалко.

— Вставай, — говорю я тихо, чтобы слышала только она. — И не дергайся. Если хочешь выжить.

Она послушно выполняет мои распоряжения. Умница.

Королева кивает, теряя к нам всякий интерес, и я веду девчонку к выходу сквозь строй придворных, которые расступаются перед нашей парой куда быстрее, чем передо мной одним. Дважды отверженный. Падший лорд с его новой игрушкой. Хорошая тема для сплетен на ближайший час. Я вновь доставил всем удовольствие.

За спиной слышу нежный смех Мервериль — легкий, текучий, звонкий. Все равно.

Мы выходим в ночь. Холод назойливо лезет в лицо, как пес, желающий ласки. Холод пробирается под плащ и наконец-то мерзкий аромат, который так мучил меня весь вечер, отступает.

Девчонка споткнулась, пришлось поддержать ее, не давая упасть. Она поднимает на меня глаза — те самые, безумные, полные ужаса — и я вижу в них вопрос.

Она явно еще не в себе, иначе поняла бы давно — не в ее положении позволить себе роскошь задавать вопросы.

Подсаживаю ее в седло, и беру коня под уздцы. Наконец-то. Прочь отсюда. В особняк. В тишину. Туда, где можно будет хотя бы попытаться понять, что, во имя всех проклятых богов, мне теперь делать с этим “подарком”.

Дорогие читатели! Сегодня вышла первая глава второй части и так совпало, что эта глава написана от лица главного героя. Моего любимого героя (хотя... еще один... но все по порядку, лучше без спойлеров). И сегодня - день рождения одного из моих любимых композиторов, Антонио Вивальди. Его музыка во многом стала источником идей для этой книги. И еще сегодня мой день рождения. Спасибо вам, что вы есть, что вы открываете и читаете эту книгу.
Я хочу подарить вам возможность получить любую мою книгу в подарок, на выбор. Для этого достаточно связаться со мной через личные сообщения в вк.
А сейчас я хочу пригласить вас одну шикарную историю нашего моба от Анастасии Феникс <https://litnet.com/shrt/8ivH>

2 часть. визуалы

Глава 10.

В памяти остались только обрывки, ни с чем не связывающиеся: темнота, холод, железная хватка на моей талии, удерживающая в седле. Грубая, промерзшая на ночном холоде ткань плаща, хлещущая по лицу при малейшем порыве ветра. И запах — леса, дыма, трав, что-то острое и чужое, отчего сводило зубы.

Мерный неспешный шаг коня.

А потом мы остановились, и он сдернул меня с коня, как тюк с тряпьем. Я упала на колени, вцепилась руками в обледеневшую траву, пытаюсь не потерять сознание. Голова кружилась, желудок сжимался в тугой узел, и каждый вдох давался с тяжелой болью.

— Вставай.

Голос. Тот самый, что приказал псам остановиться. Тот самый, что велел молчать в зале. Тот самый, что велел встать и идти, если хочу жить. Низкий, ровный, без единой эмоции. Я ненавидела его уже за одно это равнодушное спокойствие. Я подняла голову. И я все еще хотела жить. Выжить. Любой ценой.

— Меня Гвен зовут... господин, — робко говорю я в спину и поднимаюсь.

Он с удивлением оборачивается ко мне. Смотрит долго и наконец бросает:

— Пусть тебя зовут те, кому это нужно.

Дом — огромный, черный, — вырос из темноты, как надгробный камень. Три этажа, остроконечные башенки по углам, узкие стрельчатые окна, в которых не горел свет. Ни огонька, ни движения, ни признака жизни. Старый особняк, заброшенный и забытый.

Вокруг — высокая каменная ограда, поросшая мхом. Ворота, тяжелые, кованые — их закрывали несколько существ. Станных. Не людей. Правда, я не сразу поняла, что это не люди. И когда я попыталась разглядеть их лица, меня захлестнула волна тошнотворного страха. Первобытного, животного страха, от которого хотелось зажмуриться и забиться в самую глубокую нору. И молиться.

— Это вредилки. Не смотри на них, — сказал голос. Мне и голоса хватало, чтобы задыхаться от ужаса. — И не подходи к ограде.

Я опустила голову еще ниже, цепляясь взглядом за обледеневшие комья травы под копытами и пыталась сдержать тошноту. Внутри ограды, во дворе, было тихо. Слишком тихо. Ни шороха, ни звука, только ветер шелестит в ветвях старых деревьев. А потом я увидела псов.

Два огромных силуэта. Они лежали, положив морды на лапы, и смотрели на меня. Глаза горели желтым в темноте, и в этом взгляде не было ни злобы, ни угрозы — только голодное, терпеливое ожидание. Если что — сожрут? Я не сомневалась.

Он повел меня в дом. Просто взял за капюшон, поднял, поставил на ноги и потащил, не спрашивая, могу ли я идти.

Я могла с трудом. Ноги двигались сами, на автомате, пока сознание пыталось хоть как-то осмыслить происходящее.

Мы поднялись по ступеням и вошли.

В холле было темно и холодно. Холодно, как в склепе. Он прошел в огромный зал — я успела заметить камин, черный зев которого мог проглотить целое дерево за раз, высокие сводчатые потолки, теряющиеся во тьме, голые стены без единой картины. Мебель стояла, накрытая серыми чехлами, как призраки, застывшие в ожидании.

Он остановился в центре зала, обвел взглядом помещение и вслед его взгляду загорались свечи — мерным, приглушенным светом. Последним вспыхнул камин.

Только после этого хозяин этого угрюмого жилища развернул меня к себе, и я впервые увидела его лицо вблизи.

Красивый. Нет, не так. Красивый — слишком слабое слово для того, что я увидела. Острые, точеные черты, бледная кожа, отливающая синевой в слабом свете из окна. Глаза — светлые, почти прозрачные, с вертикальными зрачками, как у хищника. И волосы — длинные, белые, как первый снег в лесу, стянутые в низкий хвост. Ни одной лишней детали. Все совершенно и безупречно. Страшная, нечеловеческая красота, которая заставила меня замереть в ужасе и восхищении.

Он смотрел на меня, и в его взгляде не было ничего. Пустота.

Абсолютная, вымороженная пустота.

Как будто я была не человеком, не живым существом, а предметом мебели, который зачем-то притащили в его дом.

— Слушай внимательно, — сказал он. — Я скажу это один раз.

Я только кивнула. Язык присох к небу.

— Ты будешь жить здесь. Раз так захотела королева. Территория за оградой — смерть. Вредилки убьют быстрее, чем ты сделаешь шаг к воротам. Проверять... не советую. Двор — тоже. Псы во дворе могут загрызть, если я не прикажу иначе. Дом — твое убежище. Из дома выходить без меня запрещено.

Он говорил ровно, буднично, как будто инструктировал новую прислугу. Хотя что это я. Я и есть прислуга. Смертная для бессмертного фэйри. Страшные сказки оборачивались кошмарной реалистичностью, от которого я вряд ли проснусь.

— Комнат много. Большинство закрыто. Не лезь. Тебе доступны: зал, кухня, библиотека. Моя комната — дверь напротив лестницы. Туда не заходить. Никогда. Вообще никогда.

— Я...

— Я не закончил, — сообщил мне фэйэри. Ровно и бесстрастно. Но почему-то мне показалось, что он едва сдержался, чтобы не ударить.

Я замерла.

— Правила простые. Не трогай ничего, что не принадлежит тебе. Не лезь туда, куда не велено. Не мешай мне. Вопросы задавать можно, но только когда я разрешу. Говорить можно — когда я разрешу. Врать нельзя — я все равно узнаю. И никогда не бери ни у кого ничего, особенно — не ешь и не пей, если даю не я. Помнится, у дольмена ты жадно хотела жить? Если по-прежнему хочешь — сделаешь, как я сказал. И если хочешь сохранить рассудок. Это понятно? Ни еды, ни питья, ни “я только лизнуть”, “я только попробовать”. Здесь другие законы. Для смертных наша пища — яд.

Он помолчал, давая мне переварить.

— Завтра я уеду. Можешь исследовать дом, можешь сидеть в зале, можешь спать. Делай что хочешь, но не выходи наружу. Вернусь через два дня. Еда для тебя в кладовой — мясо, сухари, орехи, ягоды. Вода. Травы можно заваривать. Если знаешь, для чего эти травы. Больше ничего не бери.

Я слотнула. В горле стоял ком, который невозможно было проглотить.

Он разглядывал меня какое-то время, и в его взгляде мне почудилось даже любопытство... Потом, покачив головой, будто принимая какое-то решение, развернулся и пошел куда-то вглубь дома. Я стояла, боясь сдвинуться с места. Через минуту он вернулся, неся в руках ворох темных тряпок.

— Это тебе, — бросил он мне под ноги. — Твое — высуши, почисти, оставь. Это носи.

Я наклонилась, подняла. Платье. Грубое, шерстяное, темно-серое, почти черное. Длинное, до щиколоток, с длинными рукавами и простым воротом. Темные чулки. И плащ — грубый, но теплый, с капюшоном, способным скрыть лицо.

— Переоденься. Кухня — налево по коридору. Там очаг, дрова, вода. Еда — в кладовой. А мне принеси вина.

Он развернулся и ушел к камину, не сказав больше ни слова.

Я стояла посреди огромного, холодного зала, сжимая в руках грубую шерсть, и смотрела на огонь, который вдруг вспыхнул в камине. Сам. Без спичек, без помощи, просто по его воле.

А потом я вышла.

Слезы текли сами, я даже не пыталась их остановить. Я плакала беззвучно, бредя на кухню, плакала, пока переодевалась, плакала, пока искала вино. Плакала о Лоре, которая оказалась чудовищем. О Марке, которого растерзали псы у меня на глазах. Пусть псих, но он был... живой... И плакала о себе, запертой в этом склепе, среди тварей, которые могут убить одним взглядом. И о маме, которая никогда не узнает, где я. О прабабушке, чьи сказки оказались страшной правдой.

Наконец я заставила себя двигаться. Нашла поднос, чашу, бутылку... я сделала все, что мне велели.

Меня не удостоили даже недовольства — долго копалась, — он даже не повернулся ко мне. Указал рукой, куда поставить вино. И только потом бросил:

— Убейся. Понадобись — позову.

Я выскользнула из этого холодного зала, даже радуясь, что так легко отделалась, и вернулась на кухню.

Кухня была огромной, почти как зал, но здесь хотя бы было тепло. Да и мебели несколько побольше. Очаг пылал, дрова потрескивали, и это оказался единственный живой звук во всем доме. Я нашла и кладовую — сухари, вяленое мясо, сушеные ягоды и орехи в деревянных кадках. Налила воды из каменной чаши, долго смотрела на нее, вспоминая его слова: «Не бери ничего, что не дал тебе я».

Вода из его запасов — это он дал? Или нет?

Я не стала пить, на всякий случай... Может, это не та вода? Села на пол у очага, прижимая к груди ворох своей земной одежды, и снова заплакала.

Потом, когда слезы закончились, я разложила свою мокрую, грязную куртку, кашемировый свитер — подарок Лоры, — джинсы, ботинки перед огнем. Все это казалось здесь нереальным, ненастоящим, неправильным.

Расправила ткань, чтобы высохло все аккуратно. Зачем? Не знаю. Привычка. Последний кусочек нормальности в этом кошмаре.

Новое платье сидело мешком, кололось, пахло пылью и лавандой. Плащ оказался тяжелым, почти неподъемным, но теплым. Я сложила его в несколько раз, положила у огня и села к очагу поближе.

Он уедет завтра. Сказал — на два дня. Два дня одна в этом доме. Можно исследовать, можно остаться здесь, можно попытаться сбежать.

Я вспомнила тварей у ворот. Псов во дворе. Его глаза. И поняла, что не сбегу. Я действительно хотела жить.

Усталость навалилась внезапно. Весь этот кошмарный период — сколько прошло дней? Сутки... нет, чуть больше, всего-то! — спрессовался в один тяжелый ком, который давил на меня, казался неподъемным. Я подложила плащ под голову, свернулась калачиком у огня.

Огонь потрескивал, даря тепло. Я заснула под этот звук — одна в чужом мире, в чужом доме, чужая себе самой.

«Бабушка, ты знала. Ты всегда знала. Почему ты не научила меня защищаться?»

Глава 11.

Я проснулась от холода.

Огонь в очаге почти погас, только угли тлели, и воздух в кухне стал таким же ледяным, как во всем этом проклятом доме. Я взяла несколько поленьев и положила в очаг, а потом села, кутаясь в плащ, и долго смотрела на серый свет, сочившийся сквозь узкие окна, на разгоравшийся понемногу огонь.

Утро. Или день? Здесь, в этом мире, время текло иначе. Или мне просто казалось?

Я прислушалась. Тишина. Абсолютная, мертвая тишина, без единого звука. Выглянула в коридор, тихо прошла холл — чтобы заглянуть в комнаты. Но и зал, и библиотека, и комната хозяина этого неприветливого дома — все были пусты.

Значит, уехал. Сказал — на два дня. И уехал.

Я вернулась на кухню. Подошла к своим вещам, разложенным у очага. Куртка высохла, джинсы тоже, ботинки — еще влажные внутри, но терпимо. Я смотрела на них, потом на платье, в котором провела ночь. Грубая шерсть кололась, длинный подол путался в ногах, а широкие рукава норовили попасть в огонь при каждом движении.

«Это носи», — сказал он.

А какая разница? Его нет. И два дня его не будет. В доме я одна — он не узнает. И потом — что он мне сделает? Убьет? За непослушание? После того, что я уже видела, смерть почти не пугала. Почти.

Я стянула через голову ненавистное платье и натянула джинсы и свитер. Стало привычно и вроде даже теплее. В своей одежде я почувствовала себя почти человеком. Почти в безопасности. Глупо, конечно — джинсы не защитят от псов и вредилок, но они почему-то казались мне очень важными здесь. Мне почему-то показалось, уберу я их сейчас — и вообще забуду о своем доме, о своем мире.

Я заставила себя съесть сухарь, размочив его в воде — пить все-таки очень хотелось. Вода — ледяная — показалась невероятно вкусной. На десерт добавила себе горсть ягод. Внешне они напоминали малину, но были более терпкими и кислыми на вкус.

Вообще для начала меня интересовали дрова. Новые помещения — и новый мир — это круто. Но вот загнуться от холода в этом мире — небольшое удовольствие.

Дрова были. Не много, но на двое суток должно было хватить с избытком. Надеюсь. Но все равно лучше быть поэкономнее. Главное, не пропустить момент и вовремя в очаг подложить поленья. Ни спичек, ни чего-то подобного я пока не видела, так мой хозяин в таких мелочах совершенно и не нуждался.

После завтрака я почувствовала себя куда лучше. Делать было нечего, и это как раз для меня слишком непривычно. Отправилась исследовать дом.

Зал при свете дня выглядел еще огромнее и пустынее, чем вчера вечером. Высокие стрельчатые окна пропускали бледный, больной свет, в котором плясали пылинки. Я прошла вдоль стен, касаясь пальцами холодного камня. Ни картин, ни гобеленов, ни каких вообще украшений. Только подсвечники — массивные, кованые, с оплывшими черными свечами. Кое-где свечи прогорели до конца, оставив только лужицы воска в серебряных лунках.

У камина лежал шерстяной ковер, багровый, с тонкими черными узорами. И рядом стояли два простых деревянных кресла.

Я двинулась дальше. Коридор, лестница на второй этаж — туда я не пошла, слишком явственно всплыло в памяти «не лезь». От греха подальше. Я потом посмотрю... возможно.

Дверь напротив лестницы была приоткрыта. Всего на ладонь, но достаточно, чтобы я увидела край кровати. Широкая кровать, застеленная темным пледом и камин внутри.

Его комната.

Я замерла, борясь с искушением. Он сказал: «Никогда». Слово прозвучало как приговор. Но дверь была открыта. Он сам оставил ее открытой? Забыл? Или...

Я сделала шаг. Еще один. Заглянула в щель.

Ничего особенного.

Небольшая комната, с почти спартанской обстановкой. Кроме кровати — массивный стол у окна, заваленный бумагами и книгами. Несколько подсвечников по стенам, и такое же как в зале кресло у камина — простое, деревянное, без всяких украшений. Ни картин, ни безделушек, ни следа той роскоши, что я видела во дворце королевы. Все стерильно и аккуратно, как будто здесь жили, но не часто. Или жили, но не хотели оставлять следов.

Я отступила. Стало почему-то неудобно, словно я заглянула в чью-то личную жизнь...

Библиотека оказалась за той дверью, которую я сначала приняла за чулан. Большая комната, в три окна. Почему-то она показалась мне более светлой, чем остальные.

Стены от пола до потолка были закрыты массивными шкафами с книгами — старыми, в кожаных переплетах, с корешками, тисненными золотом и серебром. Пахло здесь пылью, сухими травами и чем-то неуловимо знакомым, как от старой бумаги.

Я подошла к ближайшему шкафу, провела пальцем по корешкам. Красиво, но мертво. Язык фэйри я не знала — ни одного слова, ни одной буквы. Жаль. Мне предстоит двое суток пробыть в одиночестве. Мрачный дом навеивает не самые приятные мысли. А если откровенно сказать, то мне было здесь страшно, а от тишины становилось еще страшнее. Книга была бы кстати...

Я побродила немного по помещению, останавливаясь и разглядывая забитые фолиантами полки.

На низком столике у одного из окон лежали карты. Огромные, искусно вычерченные, с названиями, которых я не могла прочесть. Леса, реки, горы, отмеченные значками, похожими на руны. И ни одного намека на мой мир. Земли фэйри. Целый континент, о котором люди даже не догадываются.

Отдельно, на небольшом и неприметно поставленном в самый темный угол столике, лежал альбом. Толстый, в тяжелой кожаной обложке, с металлическими застежками. Я открыла, ожидая вновь увидеть чужие буквы.

И замерла.

Рисунки. Черно-белые, карандашом и углем, но такие живые, что захватывало дух. Пейзажи — горы, озера, леса, долины. Замок в скалах, мосты, перекинутые через пропасти, деревья с листвой, похожей на кружево. И над всем этим — небо, такое разное: грозовое, ясное, звездное, затянутое тучами.

Я переворачивала страницу за страницей, забывая дышать. Здесь была зима — заснеженные пики, искрящиеся на солнце. И осень — золотые рощи, отражающиеся в темной воде. Весна — цветущие луга, деревья в бело-розовом облаке. Лето — изумрудные холмы, уходящие за горизонт. И все это — в черно-белых набросках, ни одного цветного пятнышка...

Я вернулась на кухню с альбомом под мышкой. Подбросила дров в жадную пасть огня и села на пол у камина. Рисунки я еще раз посмотрю позже. Сейчас мне необходимо отвлечься.

Не знаю, кто и чем здесь убирал до меня, но с обликом моего красавца-хозяина тряпка ну совсем никак не вязалась. Однако и ведро, и ветошь в кладовой нашлись.

Я набрала немного воды и отправилась в зал. Пыль, осевшую на каминной полке, на подсвечники с оплывшими свечами, на серые чехлы, уродующие мебель, я запомнила. Потому что в зале пахло пылью и немного несло сладковатым ароматом лежавшей ткани.

Мне захотелось сделать хоть что-то. Не для него. Для себя. Чтобы это место перестало быть склепом. Чтобы это место немного стало свежее и... да, меня просто распирало от желания двигаться. Уборка — то самое, и мне хорошо, и вреда никакого.

Сначала каминная полка. Тщательно протирая камень отжатой тряпкой, я уже пожалела, что затеяла все это — вода в ведре была холодной, согреть на кухне я не догадалась, тащить ведро назад — ленилась, бросить все... нет! Решила терпеть. Смахнула пыль, вековую, плотную, оседающую на пальцах серым налетом — и каменный исполин словно ожил.

Сняла оплывшие огарки с подвесников и сложила в угол — потом разберусь, куда деть. Протерла металл, и тусклый металл заблестел, отражая скудный свет клонящегося к закату солнца.

Я расставила подсвечники по-новому. Не симметрично, как они стояли, а группами — два у камина, три на длинном столе у стены, один на подоконнике. Когда наступит вечер, я зажгу их, и тогда свет ляжет в этом гигантском пространстве иначе. И станет теплее и уютнее.

Чехлы с мебели я снимать не решила — слишком тяжелые, слишком пыльные, без чужой помощи не справиться. Но хотя бы поправила те, что сползли.

Потом настала очередь пола. Подмести каменные плиты проблемой не стало — мусора почти не было, только пыль да несколько засохших листьев, занесенных ветром неизвестно когда и откуда. Я собрала их в кучку, хотела выбросить, но что-то удержало. Я подняла один и долго держала на ладони. Лист был странный — серебристый, с тыльной стороны — бархатистый, чуть светлее, чем с лицевой... и словно только что сорванный... непохожий ни на что в моем мире. Я собрала листья, протерла и сложила на каминную полку. Пусть. Хоть капля жизни. Они совсем не выглядели мертвыми...

К ночи я вымоталась так, что руки дрожали. Зато зал преобразился. Не кардинально, нет. Пыль все равно осталась в углах, как я не старалась все вымыть, и мебель все еще стояла под чехлами, и стены зияли пустотой. Но в камине запылал огонь (я посчитала и решила, что дров все же действительно хватит). Пламя отражалось в чистых подсвечниках, на каминной полке лежали серебристые листья, да и само пространство, освеженное влагой, казалось, задышало и ожило...

Я сидела у огня, сжимая в руках альбом с рисунками, и рассматривала удивительные наброски, восхищаясь все больше мастерством и чувством неизвестного художника. За окнами темно, первый день одиночества в этом мире подходил к концу. А завтра мой хозяин вернется.

Что он скажет? Заметит ли перемены? Рассердится ли, что я тронула его вещи?... хотя... он ведь разрешил...

Ладно. Я вздохнула и закрыла альбом. Впервые за время, проведенное в новом доме мне было почти спокойно. Хотя бы на один вечер.

Приглашаю вас в новую историю нашего моба.

У Тайри Ли вышла новинка.

“Лишняя Принцесса. Дом пепла и слёз”

Глава 12.

На второй день я перестала бояться тишины.

Тишина старого дома стала привычной, даже почти родной. Я как-то подзабыла про моего угрюмого хозяина и его возвращение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.